

Дух свободы и отношения с Востоком

В воспоминаниях Антти Эскола¹ «*Mikä henki meitä kantaa?*» («Какой дух нас несет?») есть важное введение, посвященное теме духа и мышления в то время. Многие мемуаристы легко отделяются от таких дел, которые им сегодня кажутся тривиальными или компрометирующими. Некоторые просто злы: рациональность и иррациональность их вечные враги, и они в воспоминаниях всегда руководствуются этим мнением. Внезапное превращение рациональности в иррациональность, головокружительная диалектика всех 1960-х гг. есть то, что осознать или даже вспомнить без вдумчивого вживания не просто. Время уносит от нас очень многое. Эскола признает это. Ключ к мышлению Эскола и всей интеллигенции 1960-х гг. следует искать в том далеком детстве, которое он ценил и тепло описывает. Путешествие из деревни 1950-х гг. в город 1960-х было долгим классовым путешествием.

Нам нелегко вспомнить, какой была послевоенная Финляндия. Выздоровление разрушенной войной экономики оказалось неожиданно быстрым. Те, кто полагал, что добрые последние годы предвоенного десятилетия стоили бы десятилетий труда, оказались посрамлены. К концу 1950-х гг. Финляндия жила зажиточно как никогда. Духовно она была, однако, сломлена. Духовное наследие войн давило на атмосферу как свинец. События 1918 г. рассматривались только в узких академических исследованиях. Они находились в тесной связи с Зимней войной, а та, в свою очередь, с войной-продолжением. Духовно войны оттолкнули культуру назад, в век девятнадцатый, хотя общество было в то время модернизировано. Социальное государство родилось в Финляндии Рунеберга и Топелиуса, коммунизм напрасно пытался его разрушить. В этой ситуации была потребность в свободном слове, мысли, которая объяснила бы современному человеку его место.

Освободительное значение социологии в том культурном переломе, который произошел в 1960-е гг., было центральным. Она была великим рационализатором, *Entzauberer*². В XVIII столетии говорили: «Пусть будет Ньютон! И все было свет!» Значение социологии в 1960-е гг. для послевоенного поколения в Финляндии было соответствующим.

¹ Антти Аарре Эскола (род. 1934) — профессор социальной психологии университета Тампере.

² Снимающий чары, отрезвляющий.

Социология предлагала объективный взгляд на мир, и существенным даром была именно эта свежая научность. Наука представляет действительность таковой, каковой она, очищенная от всяческих заблуждений, является на деле. Добродетель, мораль, мотивы индивида, идеология общества — все было, в конце концов, проистекающим из ограниченности индивида заблуждением, препятствовавшим живому пониманию дел. Наука об обществе — социология — открыла нашим удивленным глазам самого Человека. Был ли он «вещью в себе», по крайней мере, в такой степени, когда об этом можно говорить? Научные выводы заставляли принимать себя.

Социология — великий Выравниватель. Индивиды с удивлением и гордостью видели себя членами референтной группы. Эти группы были не менее равноценными, разве что самые крупные были более равноценными, т. к. имели большую важность. Принадлежность к рабочим или крестьянам становилась своего рода признаком дворянства, если так хотели. А в 1960-е гг. хотели...

Социология была также великим Избавителем. Она провозгласила все грехи прощенными, т. к. с объективной научной точки зрения у воли индивида в действительности не было никакого значения. Все зависело от общества, и, только повлияв на него, можно было действительно влиять на дела. Таким образом, не следовало корить запойных алкоголиков или хвалить преуспевающих предпринимателей; всё, в конце концов, в структурах и механизмах общества.

Однако социология 1960-х, в конце концов, стала разочарованием. Те утопические ожидания, которые были с ней связаны, даже опасения перед возможностями манипулирования обществом были чрезмерными.

Кто были те гиганты, которые несли дух 1960-х? Прежде всего, речь идет о традиционной вере в рациональный прогресс, восходящей от Кондорсе и Локка к Джону Стюарту Миллю, через Конта, Дюркгейма и Вестермарка к Рисману и Парсонсу. Поппер, Адорно и Арендт нанесли удар со стороны по остаткам иррационализма и культурного пессимизма, а сэр Ральф Дарендорф предложил основу для учения об эволюции Эрика Аллардта и радикализма Антти Эскола.

Размышляя о вкладе этих людей, стоит помнить, о контексте, о той молодежи, которая ранее не виданными толпами заполнила в 1960-е гг. университеты. Эта толпа пришла из религиозных сельских домов и скудных по своему достатку жилищ рабочих.

Их родители в молодости пережили войну, их детство пришлось на то время, когда в дискурсе центральными являлись ценности морали, аскетизм, честь, жертвенность и альтруизм.

Говорят, когда после войны на финский перевели рубаи Омара Хайяма, в которых отдавалась хвала вину и гедонизму, наступившее время ударило в голову молодежи как наркотик: «Лепешка из пшеничного зерна/ Нога баранья да кувшин вина/ Подруга, словно ранняя весна, — / Отрада, что султану не дана!»

Этот найденный в средневековой восточной поэзии плод гедонизма стал служить протесту послевоенной молодежи Финляндии, освобождению от слишком узких идеалов, легитимность которых оказалась под вопросом. 1960-е гг. сделали это высвобождение массовым явлением.

Заголовок недавно появившейся диссертации «Свобода в вине» сам по себе характеризует подобное время. Свобода рождалась благодаря анонимности городской жизни, вину, отрыву от рода, общества и веры. Она рождалась из научного понимания гедонистической философии жизни, противоположной всему прежнему. Всему новому строгий образ научности предлагала социология, которая и не пыталась определить или выстраивать иерархию ценностей, но полагала их таковыми, какими люди хотели их иметь в жизни. И она полагала их явно утилитарными.

Однако социология не только описывала, она и объясняла. Она давала крылья воображению, и именно она освободила целое поколение от давления традиционного общества. Ложное следование социологической фантазии могло привести к судьбе Икара. Антти Эскола метко замечал, что старые поговорки могли хорошо использоваться как эвристическое сырье. Они могли говорить о действительности что-то существенное, т. к. ими переворачивалось все вверх дном. Так, например, основной лозунг военного времени «единодушие — сила» не утрачивал в научном размышлении убедительности, приобретая форму «разногласие есть сила». Общество терпимо лишь тогда, когда оно терпит и позволяет обсуждать различие, несхожесть.

Метод рьяно запустили в дело. «Насилия мы не желаем, насилие мы не творим / Только слабый желает насилия, только слабый сражается / Чего мы не желаем, то мы не делаем!» — писал поэт Арво Сало, ловко пародируя лапуласцев 1930-х гг., утравивших делать то, что им хочется.

Мы знаем, какое продолжение имела история. Освобожденное социологией поколение студентов искало момент приключений

в воздушных замках новых левых, пока не попало с головой в духовное рабство самого совершенного порядка XX столетия, советского коммунизма. Бесспорно, социология всем своим рационализмом подготовила почву для той интеллектуальной декларации о банкротстве, которая в качестве центрального пункта веры была одобрена во всей своей полноте и без сокращений в разработанном в середине позапрошлого столетия гегельянском объяснении мироздания. Предложенные Карлом Поппером и Ханной Арендт подходы критического мышления были отброшены, т. к. представилась возможность подчиниться авторитетам и сулилось исчерпывающее объяснение как прошлого, так и будущего.

Притягательная сила псевдосоветского «тайстоизма» не могла основываться на этом интеллектуальном даре советского коммунизма, т. к. она была, мягко говоря, ничтожной. Напротив, вера, коллективизм, альтруизм и жертвенность, которые как раз оказались выброшенными, были сейчас подобраны, в новой форме, но все же найдены. Базовая конструкция — очень знакома. Небо и преисподняя теперь проектировались на Землю, последний приговор капитализму был уже виден, и вечная жизнь верующих предлагалась как на ладони тем, кто сражался за дело прогресса. Так как ход истории необратим, и в манихейском мироздании на стороне коммунизма Ахура Мазды жизнь была вечной. Участие индивида было принесение себя в жертву ради коллектива, но это предполагало, что у него есть цель. Для молодых людей из верующих сельских домов это была родина, вновь завоеванная.

Положительным достижением «тайстоизма» был также вызов давней и продолжавшей жить русофобии и демонизации России. В качестве метода, правда, использовалось переворачивание знака ценностей на противоположный, что, разумеется, не могло иметь прочной основы. Прямые заслуги «тайстоизма» в этой области не следует преувеличивать. Время изменилось во многих отношениях, несмотря на известное молодежное движение. В любом случае, основы нового отношения к России следует также искать в сложившемся в Финляндии в середине 1960-х гг. новом отношении к коммунизму, хотя роль самого «тайстоизма» в этом была ограниченной. В конце концов, это было довольно малочисленное студенческое движение. Следует помнить, что в то время, в соответствии с учением очень известного социолога Ральфа Дарендорфа, коммунисты были включены у нас в 1966 г. в правительство, когда пропасть между их сторонниками и остальным обществом существенно сузилась. Идея заключалась в том, чтобы привлечь

эту изолированную от прочего общества группу к общему делу заботы о стране. Тем самым добивались урегулирование опасно-го и вредного противоречия внутри общества. Советский Союз в то время еще был символизирующим коммунизм государством. Вскоре восхищение им начало, однако, уменьшаться, в том числе и в среде Финляндской коммунистической партии.

Сохранилось ли что-то от строгого рационализма 1960-х гг.? В любом случае, он утратил положение господствующего течения. Антти Эскола вдохновлял дух позитивизма, а бесконечная свобода оказалась неприемлемой. Сам Дэвид Рисман говорил о «толпе одиноких», а Эрих Фромм замечал, что свободы хотели избежать. На уровне метода у рационализма также имелся противник. В объяснительной силе фактор-анализа начали сомневаться, и, по мнению многих, все богатство человеческой жизни даже в приближении невозможно вместить в те шаблоны, которые представляли собой шкалы Гуттмана¹.

Во всяком случае, на поле науки пробрались акторы, которые вскоре разрушили представление о совершенстве основанного на рационализме исследовании общества, которое предлагало свежий олимпийский взгляд на мир и объяснение явлениям, которые мы не понимали.

Так как новые направления предлагали вместо позитивистской объективности и измеримости рассказы о собственной жизни и постмодернистские описания ощущений, не требуя доказательности и представительных выборок, то подошли опасно близко к литературе настроений. Постмодернистское исследование можно было частично отнести уже к кругу фантастической литературы, т. к. она описывала мир как текст и махнула рукой на так называемые серьезные науки, от биологии до физики. Дух 1960-х гг. был почти полностью уничтожен. Объективная действительность уже не была первичной, если она теперь вообще существовала. Ругательством нового поколения стало слово «эссенциализм».

Дух 1960-х гг., без сомнения, был состоянием умов одного периода, разового и неповторимого. Это был поток рационализма между двумя периодами иррационализма. Его основой являлась надежда на лучшее и вера в рациональный мир. В начале третьего тысячелетия то время еще вызывает ностальгию, как и его предшественница — идиллия сельской Финляндии.

¹ Речь идет о многомерном шкалограммном анализе, предложенном Л. Гуттманом в 1940-х гг.

К его заслугам можно, во всяком случае, отнести также изменение отношения финнов к России. Едва ли возможно расставить по порядку все оказавшие на это влияние факторы, если пытаться объяснить, как возникло это новое отношение к России. Очевидно, что важное место принадлежит той объективности социологического мышления, которое рассматривало объект, в том числе и коммунизм, только как отдельное явление в числе прочих. Поскольку коммунисты говорили, что дважды два равно пяти, то, по мнению предшествующего поколения, это было устрашающим и опасным безумием. В бихевиористическом арсенале социологии это было только одно безумие в массе других, если только чуть-чуть не лучше других. Между русским духом и коммунизмом в тот период ставили знак равенства, как в свое время между русским духом и православной верой. Человек мог быть русским и не быть коммунистом или, по крайней мере, его сторонником, но это представлялось неправдоподобным. В глазах социолога русский человек был абсолютно таков, как и все остальные люди в мире. Все различия были обусловлены структурами и законами общества.

Дух социологии уводил нас от прошлого. Это был дух революции, и он был разрушительным. В свое время его воспринимали как освобождение, и он действительно освободил от многого такого, что было глупым, затхлым и просто плохим. Несмотря на громадные обещания, он не смог выстроить ничего. Но все же развитие этой нашей культуры происходит только в одном направлении. В данном случае этот дух революционного времени действительно был «прогрессивным». Он ускорил наш переход к неизбежному.

Исчезновение «китайской стены»

Если бы мы хотели подвести временный итог тысячелетней границе Финляндии с Россией, то в наши дни сальдо по обе стороны границы оказалось бы относительно позитивным. Эта относительность означает то, что Финляндия и финны, с точки зрения России и русских, лучшие соседи. Россия для Финляндии и финнов также теперь хороший сосед, с которым происходят небольшие конфликты только по незначительным поводам. Эта ситуация, однако, не само собой разумеющаяся. Мы можем только представить, какими отношения были бы, если бы русские в свое время